

ИКОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ БЫТИЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

М.С.ЖИРОВ¹
В.Н.КОЛЕСНИК²

¹ *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: zirov@bsu.edu.ru

² *БУКЭП*

В статье исследуется роль, место и значение иконы в жизни русского народа с точки зрения христианского и бытового мировоззрения, библейской антропологии. Содержание статьи раскрывает смысл, образы и сюжеты русской иконы как способа отражения бытия человека в семье, сообществе, мире.

Ключевые слова: икона в русском доме, православная традиция, икона как код бытия человека, сюжеты икон, смысл образа, чудотворные иконы, антропологичность названий икон, эстетика иконы, духовный и практический смысл иконографии.

Русская икона является неотъемлемой частью православной традиции, всеобъемлюще отражая творения человеческого духа и красоту божественного мира, выступая прообразом идеального человека. В ней по мысли Е.Н. Трубецкого сосредоточена «вся сила Нравственного подвига, вся сила духа и его власть над телом. Изможденные лики святых противостоят кровавому царству плоти не только «истонченностью чувств», но и «новой формой жизненных отношений».¹

Икона раскрывает, дополняет и показывает пути реализации ориентирующей идеи преображения мира на духовно-нравственной основе, ибо вся история России прошла под знаком иконы. Многие прославленные и чудотворные иконы стали свидетелями и участниками важнейших исторических перемен в судьбе Отечества (объединение русских земель, освобождение от иноземных захватчиков, созидательный труд и т.д.). Посредством иконы мы очищаем души, преображаем все свое естество. Отсюда идея чудотворных икон. Русское слово «исцеление» имеет тот же корень, что и слово «целый», «цельный», а следовательно истинный смысл его будет намного глубже того обыденного значения, к которому мы привыкли. Исцелить, значит сделать единым, вернуть единство, собрать воедино.

Ни одно важное событие в жизни православного человека «от первого его вздоха до последнего» также не обходилось без иконописного образа (крещение, венчание, начало любого нового дела, длительное путешествие, отпевание и т.д.). Передаваясь из поколения в поколение, икона в семье становилась духовной реликвией, ориентируя на нравственные ценности, идеалы и традиции предков, способствуя «деланию» человека. Икона – неперемнная святыня в доме каждого православного.

Само слово «крестьянин» произошло от слова «христианин», ибо на Руси все крестьяне были верующими. На Руси в старину иконы были не только в храме. В каждой избе в почетном красном углу висели образа. Иконы помещали над входом в дом, над воротами, над дверями амбаров, на перекрестке дорог, у колодцев, над воротами при въезде в город, в хлеву. Единственной постройкой русского дома, не освященной иконой, была баня. В царских семьях были популярны мерные иконы. После рождения царевича с ребенка снимали мерку и передавали ее иконописцу, который должен был найти соответствующую доску и написать образ покровителя святого. В домах зажиточных бояр и купцов и в царских палатах обустраивались специальные комнаты – *образные*, где хозяева могли уединяться для молитвы перед иконой.

Икона в доме православного человека – это явление Бога, который воспринимался как Абсолют, к которому человек обращался своим внутренним миром, своими мыслями и чаяниями. Икона помогала человеку быть цельным, не расплываться и не размельчаться в пустых делах и целях, «активизируя собирательскую волю на Добро и Сози-

¹ Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе; Умозрение в красках; Два мира в древнерусской иконописи; Россия в её иконе / Послесл. И. Панкеева. – Новосибирск: Сибирь XXI век, 1999. –112 с., ил.

дание», когда вдруг вся внутренняя скверна озаряется каким-то небесным светом, и видна даже пылинка греховная, где-то глубоко спрятавшаяся; когда требование совести настолько обостряются, что даже малейший грех тяжелым камнем давит сознание, и является потребностью очиститься» (Жевахо, с. 29-31).

Таким образом, икона выполняла роль духовно-нравственного ориентира каждодневных дел, поступков, образа жизни, а потому в ней особенно ярко выражена внутренняя гармония человека, примиренного с Богом, с самой собой и окружающим миром. Не случайно даже названия многих икон свидетельствует об антропологическом подходе к верующему, что подтверждается их следующим рядом: «Спас», «Умиление», «Всемилолюбивая», «Достойна есть», «Всех скорбящих Радость», «Умягчение злых сердец», «О тебе радуется» и т.д.

Основной состав икон схож на разных территориях (Спаситель, Николай Чудотворец, св. Иоанн Креститель, св. Георгий Победоносец, св. Пантелеймон, Пророк Илья, апостолы Петр и Павел и т.д.), но добавляется обычно образом святых, особо чтимых в данной местности: в Калужской области, например, образ прп. Тихона Калужского, в Воронежской – прп. Митрофания Воронежского, в Белгородской – святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца и т.д. Добавлялись также иконы святых покровителей хозяина дома или членов семьи, а также образа святых, почитавшихся покровителями основного занятия хозяина, св. Власий – скотоводства, св. Зосима – пчеловодство, свв. Козьма и Дамиан – кузнечество, свв. Флор и Лавр – коневодство и т.п. Христианский пантеон велик: в нем есть помощники и заступники на все случаи жизни. Икона на Руси выполняла особую функцию – она была и молельным образом, и книгой, с помощью которой обучаются, и спутником жизни, и святыней, и главным богатством, передаваемым как наследство.

Целым категориям населения покровительствовали различные святые. Интегрированность в жизнь своей эпохи очень четко прослеживается в формировании определенных групп святых. Целесообразно воспроизвести слова искусствоведа В.Н. Лазарева: «Пожалуй, еще примечательнее те изменения, которые претерпели на русской почве образы византийских святых, ставших играть новую роль в соответствии с запросами земледельцев. Георгий, Власий, Флор и Лавр, Илья Пророк, Николай начинают почитаться, прежде всего, как покровители земледельцев, их стад и их дома со всем его имуществом. Параскева Пятница и Анастасия выступают патронами торговли и базаров. Большинство этих святых было наделено аналогичными функциями и в Византии, но там духовенство не придавало последним большого значения»².

«Сам факт, что в Византии умалчивалась связь святых с реальными верующими, говорит о многом. Это подчеркивает демократичный и открытый характер русской иконы, ее доступность и человечность. Каждый взрослый мужчина должен был обрабатывать землю или вынужден был защищать ее от врагов. Этим объясняется особое почитание и любовь к образу Георгия Победоносца, который покровительствовал хлебопашцам и воинам. Его изображение можно было встретить и на боевых щитах, и над входом в лагерь русской дружины, и на гербовой печати Ярослава Мудрого, и на гербе города Москвы, и на русской копейке и т.д. Этот образ настолько любим в народе, что в некоторых краях (в Новгороде, например, его считали землеустроителем и стражем деревенских стад). Святой Николай считался покровителем плотников и строителей горододельцев, а также всех путешествующих и страждущих. Он защищал от морских бурь, пожаров»³. Федор Тирон оберегал колодцы, Козьма и Демьян были святыми покровителями кузнецов и лекарей, Фрол и Лавр – святые коневоды, Власий – защитник домашних животных, коровам и овцам помогал святой Василий, козье стадо охранял святой Спиридоний, апостол Петр почитался в народе покровителем рыбаков. В ряде местностей рыбаки считали 12 июля (день Петра и Павла) своим праздником и т.д.

Космической катастрофой воспринималось на Руси нашествие половцев, татар, печенегов и других врагов, а также и пожары. Чтобы пожар миновал дом, обращались и к

² Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 1983. – С. 21.

³ Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – С. 109, 110.

иконе Божьей Матери. Такой иконой благословляли под венец дочь. Жениха благословляли иконой Спаса (иногда иконой Николая Угодника).

Согласно результатам исследования свадебной обрядности, практически во всех регионах Белгородской области обряд «пропя», имеющий массу местных названий (запитушки, пропитушки, договор, рукобитье, запоручение) закреплялся совместной молитвой, целованием иконы, благословением молодых: «Бог Вас благословляет и мы благословляем». Зафиксированный нами в селе Нежеголь Шебекинского района текст свадебной песни подтверждает незыблемость принятого решения и крепость отцовского рукобитья:

У нас все дело слажено.

У нас на Божье слово положено.

По рукам у нас со сватами ударено.

С этого момента свадьба не могла расстроиться ни под каким предлогом, а родители жениха и невесты получали право величать друг друга сватами:

Как у свата во дворе,

У Ивана Ивановича,

В колокол ударили.

С зятем поздравили.

До сих пор на Белгородчине бытует обычай, имеющий многолетнюю традицию благословлять жениха и невесту иконой каждого в своем доме, а потом пару перед отъездом к венцу и в доме жениха после венчания: «Дай Вам, Бог, жить в ладу да согласии!» В селах Яковлевского района нами зафиксирована песня, которую «играли» молодым по пути из церкви:

У Бога мы были.

Да Богу мы молились.

Да поклон низко клали,

Во сырую землю.⁴

Как установлено в ходе исследования, многозначительность ритуальных действий в обряде «повивания» невесты (переход девушки – невесты в статус замужней женщины посредством смены девичьего комплекса одежды на женский, включая головной убор) также достигалась благословением, усаживанием молодых под образами специально приуроченными песнями: «Свечи горят повивальные, трубы трубят позолоченные», «Благословите, сваты, переводить девицу на молодницу», «А Вы, грицы, красные девицы, благословите и помогите». Следует подчеркнуть, что повивальные свечи готовили заранее, «первивая» по две для крепости брачных уз. По окончании обряда свечи прятали за образами на божнице и хранили всю жизнь «пуще ока»⁵.

Особая христианская символика нашла отражение в родинной обрядности (зажигались лампы, венчальные свечи, читались молитвы, обращенные к Господу и святым); в приметах, связанных с рождением младенца в дни годовых праздников («Божье благословение»), в дни памяти святых мучеников («на роду муки написаны»); в обряде крещения, который согласно вере, снимал с ребенка первородный грех, ставил его под защиту и покровительство Бога, в конечном итоге преобразовывал пришельца с «иног» мира в дитя земного мира, так как по обряду ребенок получал имя. Чаще всего – нарекали по имени святого, память которого случалась в день крещения, а иногда – в честь очень уважаемого и почитаемого в роду человека. По мнению П.А. Флоренского, «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность. < > Поэзия, письменная и изустная, держится на именах. < > Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь. А если имя мученика – и жизнь сойдет на одно сплошное мучение»⁶.

Особая любовь к святым на Руси объясняется миролюбием и трудолюбием русских людей, их стремлением сохранить покой и привычную жизнь как внутри своей се-

⁴ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000. – С.138, 160, 161.

⁵ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000. – С.170.

⁶ Флоренский П.А. Культ, религия и культура //Богословские труды. Т. XXII – М.,1976.- С.70.

мы, так и в стране, но не в коем случае не воинственностью их характера. Известный американский ученый Дж. Биллингтон в своей книге «Икона и топор» рассматривает сложнейшие процессы русской истории, исполненные, с его точки зрения, противоречий и парадоксов, глазами человека, влюбленного в русскую культуру. Он считает знаковым, что в русских домах были и топор, и икона. Любовь древних русичей к иконам, изображающим Богородицу, он объясняет следующим образом: «Мать являлась как бы живым воплощение вездесущих икон Богоматери... Мужчины монополизировали активное ведение войны и занятие государственными делами, в то время как женщины культивировали пассивные духовные добродетели, такие как терпение и исцеляющая любовь. Женщины смиренно поддерживали течения русской духовности, славившие непротивление злу и добровольное страдание, уравнивая, таким образом, военные и государственные стремления мужчин»⁷.

Однако чудотворными, в собственном смысле, почитаются иконы, так или иначе явившие себя чудотворением и с особенной доступностью и ощутительностью являющие свою силу. Особенно значительно количество почитаемых, как чудотворные, икон Божией Матери. По верованию Церкви, пресв. Матерь Божия, которой усыновлен в лице ап. Иоанна Богослова весь человеческий род, или вся Церковь, не оставляет мира и в Своем Успении, и пребывая в небесах, Она вместе с тем живет и жизнью нашего мира, болеет его болезнями и плачет его слезами, предстательствует о нем Своими молитвами. Потому она являет Себя миру и в чудотворных Своих иконах, которые сохраняют Ее ощутительный след на земле.

Икона Христа и икона Божией Матери, в особенности когда Она изображена с Младенцем, является свидетельством неложности вочеловечения Христова. Есть и другой смысл такой неразлучности икон Христа и Матери Божией. Как указывает Л. Успенский, икона Христа есть образ вочеловечившегося Бога, икона же Божией Матери есть совершенный образ обожаемого человека, на чем покоится наше спасение.

Почитание святых икон с изображениями Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, ангелов и святых (сюда же относятся и святой крест и святое Евангелие) в православном благочестии занимает видное место. Канонически почитание икон основывается на постановлении VII Вселенского Собора (787 г.), окончательно подтвержденное на Константинопольском соборе 843 года, которое признается имеющим непреходящую силу для Церкви. Оно имеет свое основание и в религиозной психологии, столь глубокое, что икона у православных является существенной необходимостью для благочестия.

Человек, ищущий истину, увидит в иконе мостик между мирами – видимым и невидимым, миром культуры и миром откровения. Для людей воцерковленных икона – помощь в молитвенном углублении и духовном делании. Икона актуализирует веру, делает ее живой, диалогичной, способной к межконфессиональному общению и сотрудничеству.

«В этом положении, безусловно, заслуживает внимания тезис о необходимости в художественно-концептуальном исполнении иконы проследить тяготение ее к глобальному, экстерриториальному мышлению и отражению в ней таких проблем и вопросов, которые понятны и близки людям разных эпох и национальностей. Но, тем не менее, удивляет поверхностное знание темы. Икона на Руси способствовала «деланию» человека, «очищению подлинной человечности». Русская духовность поддерживалась как женщинами, так и мужчинами. «Непротивление злу насилием» было главным мотивом поступка князей Бориса и Глеба, реальных исторических персонажей, которые стали высокочтимыми на Руси святыми, а их изображения широко распространялись на Руси как предостережение братоубийственных войн. Выше подробно перечисленные любимые святые отражают народные вкусы и пристрастия и род деятельности: землешапы, коневоды, плотники, градостроители, защитники различных домашних животных, кузнецы, торговцы, купцы, лекари, путешественники, строители колодцев, защитники от пожаров и т.д. Это все мирные виды занятий. В том, что Георгий Победоносец покровительствовал и воинам, и хлебопашцам, и был землестроителем, и стражем деревенских стад кроется

⁷ Биллингтон Джеймс Х. Икона и Топор: Опыт истолкования русской культуры; [Пер. с англ.: С. Ильина, М. Еремина и Н. Мохниной; Под общ. ред. В. Скороденко]; Всерос. гос.б-ка иностр. лит. им. М.И. Рудомино. – М.: Рудомино, 2001. – С. 5.

особенность русского мировосприятия. Воевал он только тогда, когда надо защищать свой ратный труд, свою землю, свое богатство (скот был главным богатством на Руси). И все-таки доминирующим в его образе было не воинствующее начало»⁸.

Следует заметить, что имя Георгий в переводе с греческого означает земледелец. Не случайно массой предохранительных обрядовых действий, ритуалов, песен, направленных на то, чтобы уберечь домашних животных от болезней, сглаза, хищного зверя и обеспечить его плодovitость, наделен праздник Георгия Победоносца, или Егорьев день, в народе – Егорий, покровитель скота. В этот день впервые после зимы выгоняли домашних животных на пастбища. «В селах Белгородского края хозяйки провожали их со двора «веткой вербы, смоченной в освященной воде, коей окропляли двор, живность и, трижды обойдя вокруг, хлестали её, приговаривая:

Макарий, ты наш храбрый,
Григорий Преподобный,
Сохрани нашу скотинушку
И в поле, и за полем,
И в лесу, и за лесом.
От зверя лютого, от человека злого.
От стихии и ненастья»⁹.

По всей вероятности, представленный нами образец песни является своего рода «окликанием» Егория, почитаемого в народе за хранителя домашних животных. Ввиду этого надлежало усердно молиться Георгию – Победоносцу:

Егорий преподобный, Егорий наш храбрый.
Милостлив к нам будь, не гневись,
На нас, христиан, оглянись.
Скотинушку пожалей и сбереги,
От стужи холодной и зверя лютого

(село Рождествено Валуйского района).

В некоторых местностях бытовала поговорка «Что у волка в зубах, то Егорий дал». В ней нашло отражение то, что в народе Георгий почитался не только охранителем скота, но и повелителем волка.

Анализируя иконографию новгородских святых, В.Н. Лазарев убедительно показывает, сколь тесно религиозное искусство Новгорода переплеталось с реальной жизнью и ее запросами. «Все эти образы святых ассоциировались в рядовом сознании с тем, что было всякому близко и что всякого трогало и волновало. Эти святые воплощали не отвлеченные метафизические понятия, они являлись не тощими школярскими аллегориями, рождавшимися из заушной схоластической мысли, а были живыми символами самых насущных интересов землепашца. Когда он смотрел на Власия, он вспоминал свою единственную лошаде́нку; когда молился Параскеве Пятнице – думал о ближайшем базарном дне; когда взирал на грозный лик Ильи – ему припоминалась жаждавшая дождя иссушенная земля; когда стоял перед иконами Николы – искал его помощи, чтобы уберечься от пожара. Все эти образы святых были ему близкими и родными. Несмотря на их отвлеченность, они были полны в его глазах тем конкретным жизненным содержанием, которое позволяло ему воспринимать икону настолько эмоционально, что она казалась ему поэтической повестью о пережитом и пережитом»¹⁰.

«И если мы обратимся к иконам других школ (Псковской, Московской), то и в них найдем живые символы самых насущных интересов землепашца. Именно мирный труд, мирная жизнь и деятельность аккумулярованы в русской иконе, но не как «монополизованное активное ведение войны». Икона отражала условия той культурной среды, в которой жил человек. В домах, прежде всего, хранились изображения наиболее «полезных» святых, «скоропомощников» в важных делах.

⁸ Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – С. 110, 111.

⁹ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000. – с.102.

¹⁰ Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 1983. – С. 57-58.

Аргументом, который свидетельствует о не совсем точном знании русской иконы, может служить факт умолчания Дж. Биллингтоном иконописных образов русских женщин-святых, таких как княгиня Ольга (X в.), Ефросинья Полоцкая (XII в.), Соломония Сабурова (XVI в.). Эти образы укрепляли в массовом сознании национальный идеал сильной духом, волевой, мудрой, самоотверженной и великодушной женщины»¹¹.

В исследованиях Г.И. Сорокина «К истории побратимства», опубликованных в «Историческом вестнике» (1889, № 3, с. 783-784) подчеркивается, что в некоторых местах икону в доме снимали для совершения обряда побратимства: «При этом братающиеся «били поклоны», целовали икону, целовались между собой, менялись крестами. После угощения второй названный брат просил первого (хозяина дома, где совершался обряд) вместе со всеми присутствующими к себе в гости. Перед уходом хозяин вручал побратиму одну из лучших своих икон или специально купленный к этому случаю образ, и они снова целовались. В доме второго названного брата всех снова угощали, а перед уходом побратим в свою очередь дарил икону названному брату»¹².

Во многих селах и городах в старину справлялись на Николин день братчины-Никольщины. Они сопровождались обильными угощениями, щедрыми подарками (особенно знаковым был подарок – образ Николая Угодника). Пословицы, прочно вошедшие в быт современных селян, убедительно подтверждают стремление наших предков к гармонизации межличностных отношений: «Красна Никольщина пивом да пирогами», «На Никольщину зови друга и недруга». Не случайно в регионе широко употребим термин «николить» (праздновать Николу), воспринимаемой в понятии «пить», «гулять», что подтверждается повсеместно бытующей поговоркой: «На Николу едут мужики с поглядкой, а после Николы – без шапок». Люди твердо верили, что если в честь Николая Угодника щедро одарить убогих и нищих, то в собственном доме воцарится достаток и порядок. Таким образом, икона и связанные с ней ритуалы упорядочивали жизнь в малом и большом доме.

«Икона в русском доме была отражением особенного способа бытия человека в мире. Не случайно в семье, которая была микрокосмосом, икона, являющаяся окном в макрокосмос, соответствующим образом и оформлялась. Доводами в пользу того, что древний русич икону воспринимал окном, является наличие в старину в русских домах специальных полок – *божниц*, которые имели ставни (створки), как на окнах. Икону не просто украшали полотенцем, полотенце закрывало, занавешивало образа во время супружеских ласк и утех, в период застолий с винопотреблением, плясками и играми, которые происходили в комнате, где находились иконы. Перед иконой нельзя было сидеть в шапке или класть ноги на лавку, глядя при этом на образ. Само поведение за столом православных людей, как и во всем доме, должно быть благочестивым и благообразным. Стол, который стоял в красном углу под образами, ассоциировался в сознании наших предков с престолом Божьим в Церкви. Это и объясняло отношение к нему как к святыне. Его в первую очередь вносили в новую избу и молились над ним на все четыре стороны. Сидеть в шапке или ставить ноги на стол считалось святотатством и по отношению к иконам, и по отношению к столу. А если вдруг в избе происходили ругань или совершался обман (это были греховные занятия), то икона вообще выносилась из дома. Поговорка «Ругаются, хоть святых выноси» имеет глубокий смысл. Она дает оценку дому, который стал недостойным для пребывания в нем икон. В ней и отношение к иконе как к святому. В ней и стремление к миролюбию и гармонии в доме русского человека. Икона была духовно-нравственным ориентиром для коллектива семьи верующего человека»¹³.

«Икону со стены снимали, чтобы поклясться на ней в особо важном вопросе, где требовалось надежное свидетельство. Поэтому в излишне горячем споре на сходке общины можно было услышать слова – «ну, хочешь, икону сниму?», – означавшие готовность

¹¹ Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – С. 112.

¹² Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломникъ, 2000. – С. 163.

¹³ Колесник В.Н. Икона – как духовное поле русской ментальности: монография. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2012. – С. 112-113.

разгорячившегося поклясться в том, что он утверждает. Но без крайней необходимости старались к этому не прибегать»¹⁴.

Пришедший в русский дом гость, прежде чем поздороваться с хозяевами, должен был трижды креститься на иконы, приговаривая: «Господи, помилуй». Если иконы не было видно сразу при входе в дом, вошедший спрашивал: «Где здесь Бог?» Это говорит об особенной роли домашних икон, которые широко распространились на Руси уже в XII веке и прочно вошли в жизнь последующих поколений, выступая предметом молитвы. В этом выражалось отношение к жилому дому как к малой Церкви. Не случайно, когда человек входил в свой или чужой дом, он осенял себя крестом и произносил молитву.

Об особом отношении, которое складывалось в семье к черным доскам, как нередко называют современные исследователи потемневшие изображения святых, свидетельствует еще ряд особенностей, существующих в процессе бытования икон.

Известный во второй половине XIX века в России юрист-криминалист С.Л. Чудновский отмечал, что у русских людей, живущих на Алтае, богохульство в народе строго осуждалось и наказывалось. Напрасная божба считалась грехом. «Напрасная божба встречается, но далеко не у всех, преимущественно у тех, кто приторговывает. У них постоянно на языке: «вот те крест», «вот те пятница», «провались я сквозь землю» и т.п. Про такого человека говорят: «Он божится, так лоб трещит», «Он всех богов со стены снимет». И словам, и божбе такого человека придают очень мало веры»¹⁵.

Немцам, которые селились в Москве в XVII и XVIII веках, приходилось держать у себя иконы, так как иначе русские отказались бы поступать к ним в услужение, посещать их и вступать с ними в сделки.

Вешать икону на гвоздь считалось оскорбительным. Образа в избе ставили на особую полку – «божницу» (иногда с поставцом – шкафчиком), а в городских квартирах помещали в *рамы* – *киоты*, которые уже спокойно можно было вешать на стенку. Киоты делали из липы, ольхи, березы, сосны. Зажиточные крестьяне их окрашивали. В отличие от церковных иконостасов, между иконами на божнице оставляли промежутки. Этот обычай был вызван поверьем, что на божницу садятся, чтобы навестить родных, души умерших близких. На божнице держали стакан со святой водой, чтобы душа могла омыться. За иконы клали венчальные свечи, освещенную вербу, ставили крещенскую воду и клали бумажки с заговорами от болезней.

Авторские исследования на территории Белгородской области по календарным обрядам обнаружили интересные находки. Например, первый сноп, именуемый «именинным», рядили ленточками, цветами и ставили под образа. Памятуя, что он «как первенец должен род продолжить», с него затем начинали молотьбу, его зерна добавляли в посевной материал озимых, в корм животных, что обеспечивало по народному поверью, их сытную зимовку.

В ряде местностей в избе на лавке под иконами хранился последний сноп последней сжатой полосы. Этот пожинальный сноп в праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) торжественно скармливался скоту. Обряд призван был предохранять скот от падежа и бескормицы. Наши предки были уверены в том, что все эти предметы имеют чудодейственную силу. Дорогая восковая свеча считалась «гостинцем» иконе. Свеча – символ молитвенного порыва, устремление к Богу, когда светятся лучшие чувства и сгорают грехи. Бедняки покупали свечи и зажигали их только, когда молились. Люди, которые были побогаче и набожнее, постоянно перед образами держали горящую лампадку.

В каждой избе можно было встретить иконы с изображением Спасителя, Владимирской, Казанской, Смоленской, Тихвинской Божьей Матери, святителя Николая Чудотворца, святого Георгия Победоносца, святого Иоанна Крестителя. В зависимости от достатка хозяина состав икон мог быть дополнен изображениями Косьмы и Дамиана, Параскевы Пятницы, Ильи Пророка, Власия, Зосимы, княгини Ольги и т.д., репродукциями и лубочными картинами на религиозные сюжеты о Сотворении мира, о Распятии, о Тай-

¹⁴ Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломникъ, 2000. – С. 163-164.

¹⁵ Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. – 1894. – № 8. – С. 210-212.

ной вечере, о Дванадесятых праздниках. Здесь же помещали и поклонный металлический крест (золотой, серебряный, медный и т.д.).

Нередко иконы украшали металлическими накладными украшениями – окладами. Их делали из тонких золотых и серебряных листов. Чеканка на окладе была на некоторых иконах настоящим искусством. Чеканный оклад воспроизводил рисунок живописного изображения.

На Руси было распространено название окладов венцами. Окладами украшали все изображение, кроме святых ликов. Мастера закрывали только «доличное» письмо. Исполнительское мастерство поражало фантазией в выборе материала, техник и выразительных средств, которые воплощались в сказочную красоту Небесного Царства. Художники использовали скань, зернь, перегородчатую эмаль и т.д. В окладах причудливо сияли разноцветными цветами золото, серебро, бисер, жемчуг, золотное шитье, различные самоцветы.

Интересна судьба высокочтимой на Руси иконы «Троицы». Правители Руси стремились делать щедрые гостинцы этой иконе. По заказу Ивана Грозного из золота был сделан оклад на икону Андрея Рублева «Троица» в XVI веке. До наших дней сохранившиеся от оклада *венцы*, которые являются превосходнейшими образцами искуснейшей чеканки. Его блестящие узоры низкого рельефа изысканного тонкого рисунка, четко, словно резные, выделяются на матовом фоне, подчеркивая драгоценность материала. До наших дней сохранилась и *цата* – подвеска к этой иконе, которая выполнена по заказу Ивана Грозного. Её украшает изысканный орнамент и эмали. По заказу Бориса Годунова был сделан оклад на эту икону из золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга. В 1626 году царь Михаил Федорович Романов дал на икону золотые цаты с эмалью и драгоценными камнями. В XVIII на икону надели серебряные золоченые чеканные ризы (одежды ангелов, палаты, дуб).

При всём уважении к священному образу владелец иконы всегда являлся её полновластным хозяином. И если образа не оправдали чаяния владельца, то он мог их «наказать». Иконы поворачивали лицом к стене, ставили вверх ногами. Церковь осуждала такое поведение.

Раньше иконы не продавали – это считалось не уважительным по отношению к священному образу. Их «обменивали» в иконных лавках. Причем торговались молча. Покупатель указывал на понравившуюся икону и клал деньги на прилавок. Если они не устраивали продавца, он отодвигал деньги в сторону до тех пор, пока покупатель не давал нужную цену. В качестве доплаты в лавку можно было принести старую, потемневшую или «облинявшую» икону. Выбрасывать старые образа не разрешалось. Их хоронили, как людей, на кладбищах или в саду. Места захоронения оберегались. Можно было пустить старую икону по течению реки. Иногда отпущенный образ прибывало к берегу, а потом складывалась легенда о чудесном пришествии иконы по воде. Икона была неотъемлемой частью жизни русского человека, она была с ним от рождения до смерти.

Для человека секулярной культуры икона является несомненной эстетической ценностью, и, тем не менее, она никогда не рассматривалась как произведение искусства. Икона и фреска – не живопись, не средство передачи видимого мира. Она – прообраз идеального человечества, передающая лишь символическое его изображение, выводящая сознание в мир духовный. Эстетика иконы – лишь малое приближение к красоте нетленной будущего века, словно едва проступающий контур, не совсем ясные тени. Созерцающий икону похож на постепенно прозревающего человека, который исцеляется Христом (Мк. 8, 24), актуализируя тезис о Павла Флоренского о том, что икона всегда либо больше, либо меньше произведения искусства, ибо «...производится не индивидуальным произволом, даже не внутренним разумением и чутьем отдельного художника, а разумом истории, тем собирательным разумом народов и времен, который определяет и весь стиль произведений эпохи» (Флоренский, с. 266). Все решает внутренний духовный опыт предстоящего. Икона – прежде всего вероучительный текст, «Библия для неграмотных» (папа Григорий Двоеслов), призванная помочь постижению истины, невидимого и труднопостижимого посредством зримого и доступного «ради слабости понимания нашего» (св. Иоанн Дамаскин). Роль иконы в современном мире, в том числе в российском обществе, неизмеримо возрастает. Для входящих в церковь икона – лучший катехизатор (гр.

katechesis – наставление, научение), потому, что образно символическому языку содержание догматов раскрывается намного глубже, чем словам.

Условный язык иконы является отражением неполноты наших знаний о божественной реальности. И в то же время – это знак, указывающий на существование красоты Абсолютной, сокрытой в Боге, красоты истинной, внутренней, спасительной, открывающей путь к духовному восхождению вверх. Как всякий текст (в данном случае сакральный) икона требует определенного навыка прочтения. Полагаем, что вполне уместен принцип, используемый еще в ранней Церкви для лучшего усвоения Св. Писания: буквальный, аллегорический, моральный, анагогический (Блаженный Августин). На первом уровне происходит знакомство с сюжетом (кто или что изображено), на втором – раскрытие смысла образа, символа, знака (цвет, свет, жест, пространство, время и т.д.), на третьем – обнаруживается связь изображения с предстоящим (уровень обратной связи), на четвертом – происходит непосредственное общение с первообразом, то есть открывается глубинный смысл существования иконы – во имя чего?

Икона обладает тем языком, который может быть понятен исповедующему любую традицию, ибо она зиждется на Слове Божьем. Христианство – религия слова, этим определяется специфика иконы. Созерцание ее – это, прежде всего, молитвенный акт, в котором постижение смысла красоты переходит в постижение красоты смысла, предстояния Непостижимому и Живому Богу. А икона является только знаком Его присутствия. Созерцание иконы предполагает собирание человека к тому, что в нем самое главное, к его центру, к образу Божию в нем. Слово и Образ имеют один источник: в своей онтологической глубине они тождественны. Образ по-греч. – ейкон. Отсюда происходит и русское слово «икона». Не случайно в русском просторечии иконы называют образами.

Без понимания смысла образа невозможно понять и смысла иконы, ее места, роли, значения, ибо все существующее в мире сообразно тому, что несет в себе Образ Божий. Русское слово «безобразный» – значит не что иное, как «без-образный», то есть не имеющий в себе Образа Божия (не сущностный, мертвый).

Божие творение можно представить как лестницу образов, которая наподобие зеркал отражают друг друга и, в конечном итоге, – Бога как Первообраз. Символ лестницы (в древнерусском варианте – «лествицы») традиционен для христианской картины мира, начиная от лестницы Иакова (Быт. 28.12) и до «Лествицы» Синайского игумена Иаоанна, прозванного Лествичником. И на каждой ступени лестницы образ в определенной мере отражает Первообраз, благодаря чему обнажается внутренняя структура мира, поскольку всякая икона – христоцентрична по определению, ибо отражает единственный образ Бога – Воплощенное Слово. Поэтому от того, как воспринимается центральный образ, зависит построение всей лестницы образов как внутренней структуры мироздания.

Следующая ступень лестницы – человек, созданный по образу и подобию Бога. И в этом смысле человек также икона Божия, точнее он должен стать таким в процессе своего духовного роста. Процесс духовного становления в том и состоит, чтобы открыть в себе образ Божий, достигнуть Божьего подобия, что святые отцы называли «обожением» (греч.). Процесс этот труден, ибо при рождении мы получаем лишь образ, а к подобию идем всю жизнь, зачастую так и не достигнув его. Вот почему в русской традиции святых называют «преподобными», то есть достигшими подобия Божия (Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Нил Сорской, Амвросий Оптинский и многие другие), актуализируя мысль св. Василия Великого о том, что христианство – это уподобление Богу в той мере, в какой это возможно для человеческой природы.

Цель иконы – направить наше внимание к Первообразу – через единственный Образ воплощенного Сына Божия, – к Богу Невидимому. И этот путь лежит через выявление Образа Божия в нас самих. Беда языческого мира и вина культуры нового времени состоят в том, что люди «познавшие Бога, не прославили его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих... и слову нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... заменили истину ложью и поклонялись и служили твари Творца» (1 Кор. 1.21-25).

Процесс «обожения», духовного преображения человека – христоцентричен, так как основан на уподоблении Христу. Даже следование примеру любого святого замыкается не на нем, а ведет прежде всего – ко Христу. «Подражайте мне, как я Христу», – пи-

сал апостол Павел (Кор. 4.16). Так и любая икона изначально – христоцентрична, вне зависимости от того, кто на ней изображен – сам ли Спаситель, Богородица, кто-либо из святых или события из Ветхого и Нового Заветов.

Список литературы

1. Биллингтон Джеймс Х. Икона и Топор: Опыт истолкования русской культуры; [Пер. с англ.: С. Ильина, М. Еремина и Н. Мохниной; Под общ. ред. В. Скороденко]; Всерос. гос. б-ка иностр. лит. им. М.И. Рудомино. – М.: Рудомино, 2001.
2. Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломникъ, 2000.
3. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.
4. Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – 152 с., 16 ил.
5. Колесник В.Н. Икона – как духовное поле русской ментальности: Монография. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2012. – 153 с.
6. Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 1983.
7. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе; Умозрение в красках; Два мира в древнерусской иконописи; Россия в её иконе / Послесл. И. Панкеева. – Новосибирск: Сибирь XXI век, 1999.
8. Флоренский П.А. Культ, религия и культура // Богословские труды. Т. XXII – М., 1976.
9. Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. – 1894. – № 8.

ICON AS REFLECTION OF A RUSSIAN'S EXISTENTIA

M.S. ZHIROV¹⁾
V.N. KOLESNIK²⁾

*¹⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail: zirov@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law*

The article deals with the role, place and significance of an icon in the life of Russian people from the point of view of an orthodox and common sense and a Biblical anthropology. The contents of the article shows the meaning, images and plots of Russian icon as a way of reflection of a person's existentia in a family, community, world.

Key words: icon at Russian home, ortho-dox tradition, icon as a code of a person's existentia, plots of icons, meaning of an image, thaumaturgic icons, anthropology of icons' names, icon's aesthetics, spiritual and practical meaning of iconography.